

Ретроспект: Исток

Автор:

Виктор Моключенко

Ретроспект: Исток

Виктор Александрович Моключенко

Ретроспект #1

Разведчик по прозвищу Звездочет подбирает в Зоне раненого и, настигаемый стаей, доставляет его на Периметр к военным. Пришедший в сознание раненый несет полный бред – говорит о каком то СНГ, и не знает очевидных вещей: на дворе 2001 год и существует СССР. Но, как оказалось, это лишь вершина айсберга в хитросплетении стремительно развивающихся событий, затронувших не только Зону и людей в ней, но и внешний мир за Периметром, открывая историю ее возникновения и ставя вопрос – что она такое...

Виктор Моключенко

Ретроспект: Исток

От автора

Большинство людей, слыша слово Зона, или сталкер, неизбежно ассоциирует их с уже известными образами. Таково свойство человеческого мышления – исходить и отталкиваться от уже известных шаблонов, в данном случае навеянных игрой S.T.A.L.K.E.R. или ранее прочтенными книгами по игровой вселенной. Куда реже вспоминаются обрывки информации о причинах аварии на Чернобыльской АЭС, ранее недоступные, скрытые от общественности, и

первоисток происхождения в русской фантастике обозначения сталкер, берущий свое начало с повести братьев Стругацких «Пикник на обочине».

Ретроспект – это попытка посмотреть на возникающие техногенные катастрофы другими глазами, увидеть морально-этическую сторону пагубности научного прогресса, в своей безответственности и безнаказанности ведущий к гибели цивилизации. Предлагаю оставить сложившиеся ранее представления и посмотреть на предложенную книгу чистыми глазами и пытливым умом, где образ Зоны, кажущийся давно знакомым и привычным, раскроется по-новому. Читателю понадобится открыть не только разум, чувства, но и сердце, чтобы наравне с героями принимать порой нелегкие решения, и пройти через испытания в поисках причин не ожесточившись, а оставшись, прежде всего, человеком.

Пролог

Ветвистая молния полыхнула под низкими угольно-черными тучами, на миг высветив в косых струях ливня пригибаемый под шквальным ветром лес и раздолбанную бесчисленными рытвинами извилистую дорогу. По дороге неслись потоки обрушившейся с небес воды, смывающей прошлогоднюю листву. Дождь заливал стекло, дворники тщетно пытались справиться с потоком воды, но водитель до упора утопил педаль в пол, то и дело нервно озираясь назад. Небо налилось багровым свечением, полыхнуло сильнее, раздался нарастающий гул, и по машине хлестнула молния. Грузовик подпрыгнул, будто налетев на камень, опрокинулся на бок и, громяхая и скрежеща огненными искрами, покатился с откоса...

* * *

Кто-то ворочался в лесу, шевелил мохнатые ветки, стряхивая холодную росу. Неприятный кто-то. Вообще в здешних лесах нужно держать ушки на макушке и шевелить головой не только на сто восемьдесят градусов, но и мозгами тоже, если они имеются. Здесь не полудикий седой и гордый Кавказ, где сначала

стреляют, а потом спрашивают, и даже не солнечный Крым, здесь все серьезнее. Звездочет оторвался от наблюдения, аккуратно протер запотевшую линзу прицела и вновь прикинул к оптике, рассматривая низину. Внизу клубился туман, неприятный такой, липкий туман с болот в котором могли прятаться весьма неприятные сюрпризы. Миленькие такие сюрпризы, начиная от бродячих мин и кончая вечно голодным зверьем, которое и зверьем то можно назвать чисто условно, по старой памяти. А память штука хорошая и подсказывала, что если в тумане что-то горело, тяжело горело, нехотя, то те же суслики ближе, чем на сотню метров не подойдут к огню. Вот собаки дело другое, когда-то домашние и прирученные, помнили, что такое огонь, а что такое огонь? Правильно, огонь это человек, это мясо. Двуногое и прямоходящее. Пламя то и дело пробивалось через пласты тумана тусклыми красными языками и приковывая внимание. Он кинул задумчивый взгляд на браслет голема – у самого огня была аномалия, новая и непонятная. Не много нужно ума, чтобы вместить простую истину – все новое в Зоне предельно опасно, опасно, потому дорого. Закинув винтовку за спину, он осторожно начал спускаться по склону.

– 01 —

Голем тихо пискнул, привлекая внимание, и включил голосовой интерфейс:

– Впереди высокая концентрация измороси, метров через десять, лучше одеть защиту.

Звездочет спешно натянул маску, надо быть полным идиотом, чтобы игнорировать предупреждения голема. Голем существо доброе, полезное, язык не поворачивается назвать его изделием. Сколько народу погибло, пока не появились первые големы, не счесть. Зона непостоянна, изменчива, в ней на совершенно ровном и безопасном месте может за считанные секунды из ничего возникнуть аномалия и ни предугадать, ни почувствовать их появление невозможно. Поэтому в Зоне нет найденных и безопасных троп или маршрутов, и полагаться тут можно только на свое чутье и на надежность големов, которые со временем стали в какой-то мере разумны, обретая подобие личности и характер. И заслугой ли этому гений ученых или случайно обретшие в аномальных полях интеллект электроники никто так и не знал. Конечно, бывают особо опасные участки, где големы отключались, засыпали, как говорили

опытные проводники, но в большинстве они исправно охраняли хозяина и работали на совесть.

Слушая подсказки голема, внимательно прислушиваясь к себе и, насторожено ощупывая глазами рассветную темень, Звездочет благополучно проскользнул сквозь аномальный участок едкого тумана, несколько раз выстрелил, отпугивая подтягивающуюся к опушке стаю собак. Среди чадящих тяжелым черным дымом колес лежал опрокинутый на бок древний газик, насквозь продырявленный и оплавленный, словно гигантской сваркой. Вокруг темными мешками валялись трупы, какое уж тут сомнение, если машину разорвало на куски. Он быстро осмотрел несколько ближайших тел, не спуская глаз с кустов, где в нетерпении кружила стая. Никаких опознавательных знаков на серой мешковатой одежде не было, вернее раньше они были, но их грубо спорили. Сталкер рванул воротник на одном из тел: «Прости приятель, времени мало». Обязательных опознавательных жетонов тоже не было, но голем упрямо пищал, указывая на присутствие источника энергии. Звездочет тихо выругался, отполз дальше и начал осматривать оставшиеся трупы.

– Всплеск! Всплеск! – заверещал в ушах голем.

Сталкер рывком отскочил от тела, перекатился через плечо и оказался за раскаленным, потрескивающим от жара бортом машины. Не бог весть какое, но укрытие. Между тем лежащее тело вздрогнуло, и послышался приглушенный, едва различимый кашель. Звездочет кинул настороженный взгляд на браслет, но голем молчал, будто и не вопил несколько секунд назад о всплеске. «Ладно, посмотрим». Осторожно продвигаясь вперед по скользкой от тумана траве, готовый каждую секунду отскочить, он подполз к человеку.

– Эге, да ты никак точно живой. Я уж подумал, на зомби обугленного попал.

Он расстегнул дрожащими руками серый затертый комбинезон и нащупал опознавательный жетон, странный такой жетон, включенный в режиме маячка. Человек открыл мутные от боли глаза и вдруг схватил его за рукав:

– Севастополь... код Севастополь...

– Понял я, понял, ты это, держись.

Звездочет вытянул из нагрудного кармана одноразовый инъектор, сорвал зубами колпачок и вколол прямо через ткань. Лежащий сразу обмяк и сталкер рывком закинул его на спину.

– Устраивайся поудобнее и главное держись, тут недалеко, совсем не далеко, пару километров, почти рядом...

Сгибаясь под тяжестью тела, он начал медленно отходить, не спуская глаз со стаи, что заволновалась, засуетилась, смотря на то, как уменьшается их продовольственный запас. Из кустов показалась безобразная лобастая морда, свирепо клацнула острыми клыками и скрылась в темноте. Стая пришла в движение, серые тени растворились в лесу образуя стремительно сужающееся кольцо.

– Там же на всех хватит, не стоит лезть под пулю, не факт, что вы нас достанете, а вот своих не досчитаетесь это точно – прокричал сталкер в предрассветную темень леса.

Лес впитал крик и снова навалился со всех сторон влажной предрассветной тяжестью. Звездочет на ходу, одной рукой сложил приклад, что бы можно было стрелять навскидку, другой придерживая человека, но не останавливал движение. Останавливаться было нельзя, остановишься и все, тебя уже нет. Тени мелькали все ближе, Звездочет прислонился к поросшей мхом гигантской сосне, выхватил из подсумка пару гранат и бросил за спину. Пыхнуло пламя, во все стороны рвануло веером осколков, раздалось пронзительное визжание, и стая резко сбросила ход.

«...Уходи двуногий» – донеслась приглушенная мысль волколака – «забирай живого и уходи, сейчас мы вас не тронем, но однажды придем забрать долг...».

В воздухе потянуло острой кислотной гарью и свежей кровью, оросившей туман тусклым багровым облаком, которое будет висеть еще несколько часов, скрывая пиршество собачьей стаи. Звездочет плюнул противный кислый привкус, ухмыльнулся и, прислушиваясь к подсказкам голема, спешно побрел в направлении полуразрушенной фермы, зияющей провалами окон.

Он не сомневался, однажды стая предъявит ему счет, как всегда в самый неподходящий момент возьмет и предъявит, а у него допустим, магазин

кончился, или патрон в стволе перекошило как это обычно и случается. Но лучше об этом не думать, забыть и не думать, и посматривать по сторонам прислушиваясь к тихим шорохам рассветного леса. Как же, наверное, здесь было красиво, когда поднималось величественное солнце, пели птицы в зелени весенней майской листвы. А сейчас, а что сейчас? Сейчас остались лишь редкие раскормленные вороны, не попавшие в «спираль» и оглашающие окрестности надсадным хриплым карканьем. А про нетопырей лучше вообще не вспоминать. И все вокруг серое, блеклое, скрытое за тяжелыми пластами тумана и низких облаков из которых того и гляди пойдет снег, и это в конце мая. Но тут все известные законы летят вверх тормашками, сменяя убогое человеческое представление о природе вещей и о нем самом, самозваном венце творения, перестраивая реальность по своему усмотрению, не ставя никого в известность. Так что снег тут вполне может чередоваться с ярким летним солнцем, которое тут же сменялось нудным серым дождем и густым туманом. Противным кислотным туманом, в который лучше без нужды не соваться.

Звездочет доковылял к ферме, осторожно опустил человека на землю, примостив в углу полуразрушенной кирпичной постройки, и направился вглубь здания. Конечно, оставлять раненого одного явно не стоило, но не тащить же его на своем горбу прямо в гости к тушам, которые страсть как любили селиться в вот таких вот завалинах. Может еще помнили, что тут сытно кормили, вот и ждали, когда корм придет сам. Он протиснулся мимо мерцающего в полутьме «пресса», который висел в ожидании очередного ротодея, желая спрессовать его в плотный ком мяса, снаряжения и железа, и быстро отпрыгнул в сторону от входа, в котором он представлял отличную мишень. Глаза быстро привыкли к полутьме, в которой ярко зияли провалы серого предрассветного неба. Под стенами валялись пласты слежавшейся, превратившейся с годами в труху прелой соломы, несколько кособоких кубиков произведенных и отброшенных в сторону «прессом», которые, надо сказать, хранились длительное время в полной сохранности и не поддавались разложению. Потому сталкеры частенько пускали под «пресс» освежеванную тушу, которая еще не успела насосаться радиацией и, будучи выброшена из аномалии, представляла идеально обработанный конечный полуфабрикат размером чуть меньше футбольного мяча, и что особо ценно, весила примерно столько же. Но за пределами Зоны аномальная энергия быстро исчезала, и кубик сгнивал за несколько часов, так что о «прессовом» производстве в промышленных масштабах оставалось только мечтать. В углу что-то заворочалось, и из трухи на него уставились глаза туши. Некоторое время она оценивала собственные силы, а потом сочла за лучшее не связываться и с истошным воплем метнулась к провалу в стене. Остро пахло озоном, и одуревшая туша разрядила на себя «розетку», висевшую как раз в

центре дыры. «Розетка» порядочно выдохлась, потому туша завопила еще сильнее и ломанулась в заросли репейника, которым густо зарос бывший колхозный двор. Звездочет посмотрел на потолок, выискивая взглядом свисающих нетопырей, но их там, слава Богу, не оказалось. Ну и отлично. Под ногами заскрипело крошево битого кирпича, и он вылез в провал стены вслед за тушей. «Розетку» можно было не брать в расчет, пройдет еще несколько дней пока она снова зарядится. Обследовав ферму со всех сторон, он перетащил туда раненого и развел костер. Здесь можно разводить огонь не опасаясь, тут начиналась нейтральная территория, вдобавок он отлично отпугивал многих любителей человечины, да и туман не совался туда, где горело пламя.

Брикет топлива давал ровное, жаркое пламя, Звездочет отогрел озябшие руки и осмотрел раненого. Человек дышал ровнее, смертельная бледность исчезла с его лица, он спал глубоким сном, действие стимулятора продлится еще несколько часов. За это время сталкер успеет дотащить его в лагерь, а там будет видно. Голем тихо пискнул, привлекая внимание.

– Что там у тебя?

– Я поймал волну военных, с восходом солнца туман отполз в лес и помехи исчезли. Под мостом сейчас рота Вербина, можно выйти на связь.

– Не стоит, хоть с пропуском у нас все нормально, но Вербин тот еще тип, может послать пулю в спину и списать все на случай. Хотя с другой стороны, раненого надо быстрее доставить в лагерь. Ладно, давай связь, а там посмотрим.

Раздалось шипение и вой в эфире, спустя мгновение раздался искаженный помехами и треском голос Вербина:

– Все еще считаешь звезды, сталкер? Как ночь, урожайная, много собрал?

– Да есть маленько, хотя, какие тут звезды, всю ночь лило как из ведра. Разговор есть.

– Ух ты, прямо-таки разговор? И с каких это пор Звездочет первым идет на попятную и перемирие?

– Обстоятельства, капитан, обстоятельства. Человека я подобрал, не из наших, но при жетоне – значит легал. А жетон, между прочим, странный такой, я таких не видел, а видел я их не мало.

– Ну а от меня что требуется, я тут каким боком?

– Ранен он сильно, а у меня на плечах висит стая, его надо быстрее доставить в лагерь, или в расположение части. Скажем так, ты нам джип, а я тебе звезду. Она очень может скатиться на твои погоны за предоставление важной информации. Ты уж мне поверь, у меня нюх на такие дела.

Вербин несколько мгновений раздумывал:

– Ладно, Звездочет, сочтемся. Где ты сейчас?

– На старой ферме, от вашего блок поста рукой подать, дорога к ферме с моей стороны чиста, я проверял.

– Жди.

Вербин резко оборвал связь, можно было не сомневаться, что обещанный джип будет. Во всяком случае, риск минимален, а выгода очевидна.

– 02 —

Минут через пятнадцать послышалось мерное урчание двигателя, к ферме осторожно подполз бронированный армейский джип, из которого, выхватив стволы, выскочило несколько обтянутых в камуфляж солдат.

– Здорово, Вахид – натянуто улыбнулся Звездочет – чего такой нервный? Я же сказал тут чисто. Нет, не стоит заходить, попадешь аккурат под «пресс».

Вахид застыл на месте, а потом осторожно перенес вес на заднюю ногу и отошел назад.

- И ты позволил бы мне влезть под «пресс»?

- Ты увидел костерок у входа, расслабился и решил, что опасности нет. Картина туристы в сосновом лесу. Только полный идиот будет разводить костер у аномалии, верно?

Тот хмуро кивнул, и глазами указал на раненого:

- Этот? И где ты его откопал?

- Он самый. А откопал в одной не очень далекой стороне. За темным лесом лежит такая сказочная ложбинка, в ложбинке лежит волшебный газик, накрытый едким плотоядным туманом, весь раздолбанный на фиг и оккупированный зубастыми зайчиками, или собачками. Там сейчас кто кого поймают, тот того и съест.

- Понятно. Хотя это наш сектор, но теперь я туда точно не сунусь.

Звездочет вытащил раненого из фермы и передал солдатам, которые уложив его на носилки, уволокли в просторное чрево машины. Тут пулеметчик дал очередь по кустам, в которых что-то шевельнулось.

- Побереги патроны, это всего лишь туша. Ее в «розетке» долбануло оттого и шевелится, все же прочее в вашем присутствии любит замереть и не дышать, лупите во все без разбору.

Солдаты заржали плоской шутке и живо запрыгнули в машину.

- А это, туша то старая?

- А ты ее на танцы пригласить собрался или как?

- Ну, того, под конвейер можно бы. Чего зря добру пропадать то?

- Добро это народное, Емельянов, если ты не понял, пусть мутировавшее, но народное и принадлежит народу.

– Ага, как же. Консервы «Туш Периметровая», употреблять под спиртом во избежание заражения. Количество рентген такое-то, рекомендовано Минздравом для дошкольных учреждений.

Джип завелся и, звеня контуром аномальной защиты, направился в сторону блокпоста. По дороге весело трясло на ухабах, и, не смотря на опасность их откусить, языки у некоторых зачесались с новой силой.

– Скажи, Звездочет, слухи ходят, будто ты из разжалованных, из высшего состава.

– Ты сколько служишь? – поднял на молодого бойца уставшие воспаленные глаза сталкер.

– Почти год – приосанился молодой, удобнее устривая автомат.

– И много ты здесь генералов видел? Ни одного? Вот то-то и оно, а слухи они и есть слухи, что бы ни скучно было. Тут можно такое увидеть, что чернил не хватит, что бы мемуары писать, если доживете, конечно.

Все как-то сразу замолчали и старательно отводили от Звездочета глаза. Кто его знает, этого сталкера, многое о нем болтают, и как тут понять, где правда, а где вымысел. Но проверять на себе не хотел никто.

Так и молчали, пока впереди не показалась громада полуразрушенного моста, железные фермы которого были сплошь обвиты вьющимися растениями, среди которых было тяжело заметить сливающийся с зеленью блокпост. Джип остановился, однако, мотор не глушили. Сталкер бесшумно выскользнул из салона и подошел к хмурому Вербину.

– Здравия желаю, капитан.

– И тебе не кашлять. Как доехали?

– Нормально доехали, малость трясло, да и в «темень» чуть не въехал твой водила. Сменил бы ты его, капитан, не ровен час и технику загробишь, и людей положишь. А ехали то всего ничего.

– Сменю, отчего не сменить – кивнул Вербин, изучая колючими глазами проштрафившегося – Раненый как, говорить сможет?

– Завезем к Старику, сможет.

– Не получится сейчас к Старику – прорыв. Только-только сообщили, что безвесть накрыла Периметр, после чего умолкли. Вот такие вот дела. А вот он, Периметр, в бинокль виден. А у меня одни желторотики под штыками, так что сам понимаешь.

– Хорошо, капитан, доберусь. Доставлю его в лагерь новичков, он сейчас в стороне и двину к Периметру.

– Даст Бог, свидимся, и не поминай лихом, если что – Вербин развернулся на каблуках – Раненого на обочину, по местам, быстрее, быстрее. Шевелись!

Звездочет проводил глазами отъезжающие машины и посмотрел на черную кляксу, расползающуюся у самого горизонта. Безвесть это очень плохо, главное успеть, потому что если накроет безвесть... главное успеть, а там будь что будет, помочь можно только живым, а оплакивать погибших будем после. Он в который раз за это утро взгромоздил человека на спину и почти бегом кинулся к лагерю.

Лагерь, перевалочная база сталкеров новичков, словно вымер. Ветер гулял по улицам маленького хуторка, завывая в выбитых оконницах, поднимая сухую пыль и шурша ломкими зарослями бурьяна, заполонившего когда-то ухоженные огороды. Сначала эти заросли, прибежище не в меру расплодившейся хищных тварей периодически сжигали, но они упрямо вылезали из-под земли в гораздо большем количестве. Потом плюнули и оставили в качестве учебного пособия, однако же, отстреливая особо прожорливых представителей.

Звездочет, настороженно поглядывая по сторонам, миновал хутор и вышел к малозаметному в зарослях крапивы бункеру. Благо толстенная металлическая дверь была открыта, Бирюк, местный приемщик, закрывал ее в самый последний момент, что бы человек, оказавшийся на улице во время прорыва, мог спастись. Прикрыв за собой дверь и спустившись витым по бетонным ступенькам, освещенными тусклыми лампочками аномальной защиты, Звездочет оказался в бункере приемщика.

Бирюк, пожилой располневший тип, с хитрыми бегающими глазками недовольно уставился на Звездочета.

- Что притащил?

- Тело. Подобрал ночью с грузовика в ложбине.

- Так, а мне за каким лядом притащил? Выбросил бы собакам.

- Волколак и так не хотел уступать, пришлось потрепать стаю и остаться в долгу. Кроме того, он живой и при жетоне.

- Ну, так и возись с ним сам, у меня и так дел невпроворот. Еще и безвесть пожаловала, слава Богу, боком прошла - Бирюк мелко перекрестился - На каждое тело аптечек ведь не напасешься. Мне потом, между прочим, за каждую использованную аптечку в комендатуру надо протокол составлять. Со сдачей этой самой использованной аптечки.

- Бирюк, я заплачу - холодным голосом произнес Звездочет - продай аптечку, я знаю, у тебя есть неучтенные.

- Да кто он тебе такой, брат что ли? - сморщился Бирюк - что ты так на него тратишься?

- Жетон у него интересный, а такие жетоны... да еще и Севастополь в бреду вспоминал...

- Севастополь? Так чего ты раньше молчал? - заревел приемщик, сметая со стола рухлядь - сюда давай.

Звездочет опустил раненого на стол, Бирюк живо расстегнул воротник, осмотрел жетон, крякнул и подсоединил к руке браслет медицинского диагноста.

Тут и без того тусклое освещение пригасло, подвал изрядно трянуло и с потолка посыпалась бетонная крошка.

– Никак «тополями» обстрел начали? – встревожено поднял голову Бирюк – Видать, совсем туго стало. «Тополь» такая штука... каждый в копеечку...

– Ты мне лекции читать собрался? На прибор смотри, можно подумать я не знаю, что такое «тополь».

– Да все забываю, по лицу то и не скажешь, что из бывших, а? Сам давно то спал, вон круги какие под глазами? Возьми вон рядом с тобой на полке стоит...

Но что хотел сказать прижимистый приемщик сталкер так и не успел разобрать. На самом верху раздались глухие шаркающие шаги и Бирюк, бросив косой взгляд на экран тихо выдохнул:

– Ты дверь хорошо закрыл?

– Автоматически закрылась, как начали топологическими локализаторами Периметр перепаживать, а что, боишься кого?

– Живых то я, знаешь, боятся не привык, всякого на своем веку успел повидать. А вот мертвых...

– Ты что тут за демагогию разводишь, Бирюк? Что за мракобесие? Тысячу лет тебя знаю, а не замечал за тобой. Вон и икону прицепил, тоже мне член КПСС.

Бирюк хотел было ответить, но в этот момент подвал подбросило сильнее, лампочки тускло мигнув, погасли, осталась гореть лишь панель медицинского диагноста. Шаркающие шаги раздались ближе, Бирюк шумно сглотнул, а Звездочет молча передернул затвор.

– 03 —

Из-за угла показался дрожащий огонек, шаги раздались совсем рядом, и Звездочету погрозила прикрывающая свечу узловатая старческая рука.

– Спрячь ружье сынок, не ровен час, выстрелит.

Звездочет пораженно смотрел на сухонькую, опрятную старушку в цветастом платке, что прошла мимо него тяжелым шаркающим шагом к полкам.

– Бирюк, это что... – побелевшими губами прошептал сталкер.

– Это Прасковья Павловна, здешняя хозяйка – скривился досадливо Бирюк – всю кровь уже мне выпила.

– В самом деле? – посторонился сталкер, рассматривая старушку, которая что-то искала на полке.

– Ну, плешь она мне всю уже проела. Бывает, находит, что-то на нее, встает значит, из могилы и бродит. И не зомби, какой ни будь, не выворотник, а самое что ни на есть приведение! Сначала думал, это она мне спьяну видится. Бывало во время прорыва как напьешься до зеленых чертей, не к месту будь сказано, то иной раз и видится чего и похуже. А тут смотрю вроде трезвый, а опять вона бродит, да все ругается, что заставил ее погребок железяками. Вначале думал артефакты, будь они не ладны, ее притягивают. Ниже нас ведь еще один уровень, знатный такой, освинцованный, в несколько метров толщиной. Куда все артефакты, что ваш брат-сталкер из Зоны в здешнем секторе находит и сдает государству за кровные, складываются после детальной описи. Они потом забираются несколько раз в месяц специальной бронедурой, что приезжает в сопровождении танковой колонны и висящего у Периметра вертолетного прикрытия. Да что я тебе как новичку зеленому рассказываю, сам все знаешь лучше меня. Так вот. Заходит однажды ко мне Прасковья Павловна, а я раз, да и положи на стол брошку, красивую такую, она только мимо прошла, да и сказала убрать эту пакость. Дождется она у меня, найду я ее могилку, да и забью вот такой осиновый кол.

– Да ты никак в естествоиспытатели решил записаться?

– А что ваша наука, сынок – вдруг бросила от полки Прасковья Павловна – всю землю перепахали, испоганили, ишь как качает, вот и не лежит в земле. Так мало земли, за небо взялись, конец света на дворе, одна темень пожирает другую, а люди что? Раз и нет людей, исчезли, будто и не было никогда. Вот дождетесь, поглотит вас тьма бездонная, где ни света, ни проблеска.

- Бабушка, а как оно, на том свете? – прошептал Звездочет, прислушиваясь к гулу и содроганиям земли.

- По-разному, сынок, кому как Господь присудит, так и есть.

- А вы и Бога видели?

- Поздно о Боге вы вспомнили, но хорошо хоть теперь церкви то открыли. Не видела я сынок, куда мне грешной. Вот, выпей – она протянула темную склянку, которую, видимо и искала на полке.

Сталкер послушно взял бутылку, и хотел было прикоснуться к старческой руке, но пальцы поймали воздух.

- Да ты пей, пей и ему дай – она кивнула на распростертого на столе человека.

Звездочет процедил сквозь зубы горькую жидкость, что вспыхнув огнем, зазвенела, принеся непонятную легкость. Мир завертелся перед глазами, слышалось непонятное шуршание, будто от помех в эфире. Между тем Прасковья Павловна прошла мимо разинувшего рот Бирюка, погрозила ему пальцем и положила призрачную руку на лоб раненому.

- Нет ему покоя ни на небе, ни на земле – неприкаянный он. Ни к мертвым не берут, ни к живым не пускают.

Почва перестала сотрясаться, медленно зарделся тусклый аварийный свет, и старушка начала таять.

- Чистая душа он, генерал, как белый лист чистая, что напишете на нем, то и будет. Лишь он один знает...

Но что сказала Прасковья Павловна, они не расслышали, цепь аномальной защиты вспыхнула, и та исчезла.

- Тьфу ты, наваждение – сплюнул приемщик – и почудится такое.

Отставной молча указал на темную бутылку, и Бирюк прикрыл рот.

– В общем, сделаем вид, что ничего не было. Незачем чужим людям знать, что здесь творилось, особенно когда небо с землей перемешалось. Психика она ведь тоже не железная и имеет свои пределы, хватит нам и зомбей с выворотниками.

– Ну а с этим, неприкаемым что? Аппарат фиксирует кому. Аккурат между небом и землей.

– Зубы ему разожми.

Бирюк, кряхтя, разжал лежащему зубы, и Звездочет выцедил ему в рот остатки остро пахнущей травами жидкости.

– И что теперь?

– Ты, Бирюк, главное помалкивай. Для тебя я Звездочет и не более, думаю тебе ясно.

– А что тут не ясного? Видать наверху лучше знают, что да как. И сдаётся мне, не придет больше Прасковья Павловна, мир ее душе. А я ведь даже привязаться успел к ней. Вредная, как и моя покойная супруга, из того самого Севастополя – он горестно склонил голову – Ты ведь первый кому она кроме меня показалась, так что даже если и захочу рассказать все равно не поверят. Еще и на смех поднимут, скажут, совсем сбрендил на старости лет.

Наверху глухо щелкнули засовы, выходя из пазов, уведомляя, что прямая угроза миновала и можно выходить наружу. Незаметно включилось потрепанное, издававшее виды радио, где комментатор передавал последние известия ИТАР ТАСС.

– Бирюк, старый хрыч – донеслось из рации – ты как там, жив?

– Жив я, что мне станет, сами то как?

– Потрепало нас, будь здоров, но авиация молодцы! Такую карусель тут устроили – половину состава от энуреза придется лечить не меньше чем месяц.

Кстати, Звездочет там дошел?

- Дошел, и не один, а с раненым, но, правда...

- Что, правда? Бирюк, не молчи, тут Вербин такого успел насочинять, что впору к вам пару БТРов присылать.

- Все нормально, Периметр - смахнул испарину приемщик, уставившись изумленными глазами на вышедшего из комы неприкаянного снимающего с руки диагност - живой он.

Неприкаянный встал со стола, ощупал медальон и выключил маячок, Звездочет предусмотрительно успел подставить стул, и тот обессилено опустился.

- Ну как ты?

- Бывало и лучше. Но кроме этого - он указал себе на грудь и покивал головой - я ничего не помню. Даже имени. Единственное, что осталось в голове, это Севастополь, там есть уцелевшие...

Бирюк пошел багровыми пятнами:

- Ты думай, что говоришь, над Севастополем десять лет как метут пески.

- А какой сейчас год?

В погребу повисло напряженное молчание, и было слышно, как под плафоном лампочки жужжит мошкара.

- Дела - протянул Бирюк, озабочено поглядывая на Звездочета - видать или контузило, и память того, амнезия.

- Или кома - добавил Звездочет, рассматривая неприкаянного - год сейчас две тысячи первый, от рождества Христова и, если тебя это интересует, коммунизма все еще нет.

- Где нет, в СНГ?

- В каком еще СНГ? - подозрительно прищурился сталкер - Есть союз советских социалистических республик, СССР который, а про разные СНГ тебе лучше молчать. Целее будешь, я знаю, что говорю. У нас не особо жалуют приверженцев капитализма, Зона не Зона, но юсовцы тоже попадались. Нам с лихвой хватило десяти лет - до сих пор стоим на грани войны.

- Так это, Прасковья сказала, что он как чистый лист - вставил Бирюк - не помнит, значит, ничего.

- Вот пусть и будет Листом, а все остальное спишем на амнезию. Особистам не стоит знать про всякие там СНГ. Упекут в застенки, и правильно сделают. Смекаешь?

Новоиспеченный сталкер лишь кивнул.

- Ну, вот и хорошо, а пока пойдем на Периметр, и, если там техника жива, возможно, кое-что и снимем с твоего жетона. Идти сможешь?

Лист молча поднялся и начал ощупывать глазами пространство.

- Потерял что? - спросил Бирюк, копаясь в углу.

- Автомат, без него как без рук.

Приемщик брезгливо сморщился:

- Автомат ему подавай, весь в лохмотьях, места живого почитай, что нет, ветром шатает, а он туда же, автомат... Чего доброго, в этой-то рванине тебя за зомби бродяжного определят, да и подстрелят ненароком. М-да. В общем, на вот - он выложил на стол увесистый сверток - комбинезон, не новый, но вполне еще ничего. Ты можно сказать сегодня во второй раз родился, так? Это, так сказать мой подарок, презент.

- Бери-бери - согласился Звездочет - только за этот самый подарок он с тебя потом три шкуры слупит. Не меньше.

- Да я можно сказать от чистого сердца - побагровел приемщик - как от себя отрываю, отдаю последнее. Вот за это тебя и не любят, Звездочет, больно ты умный. Вот теперь точно обижусь, ей Богу обижусь...

- Ну-ну.

- Что ну-ну? А мне чем прикажешь отбиваться, если пакость вдруг какая?

- Бирюк, так у тебя сверху целый гарнизон командирруется, а ты говоришь пакость. Да к тебе любая пакость не липнет, вот на артефактах расселся и хоть бы хны! Даже хвост не отрос.

- В общем, у Листа пока нет за душой ни рубля, так что автомат я продам тебе, а он потом отдаст, как захочет.

- Ладно, давай свой автомат, кровопивец.

Приемщик ушел в бездонные дебри кладовой и вскоре вернулся с автоматом, с довольным видом положив его на стол.

Звездочет скептически взглянул на старый облупленный АКСУ:

- Бирюк, а попрличнее не будет? Он же заклинит через три выстрела, рама вся перекошена.

- Заклинит, не заклинит бабка на двое гадала, не хочешь не бери, а попрличнее тебе Лысенко на Периметре продаст.

- Да за такую сумму как ты за него ломишь я три таких дырокола сейчас в хуторе куплю.

- Ну и купи, тоже мне боевая элита спецназа.

Звездочет начал всерьез задумываться над тем, чтобы пристрелить приемщика прямо на месте, и, судя по выражению его лица, Бирюк живо сбавил цену.

– Ходят тут всякие, понимаешь. Ты им последнее отдаешь, а они только и ищут, что бы руки на тебе нагреть.

Звездочет скупно ухмыльнулся, смотря на то, как Лист ловко осматривал выторгованный у прижимистого Бирюка древний «калашников», амнезия не амнезия, а армия вбивает рефлекс на уровень подсознания вовсе не зря.

– 04 —

Сталкер выбрался из погреба, прикрывая глаза от яркого солнца и фиксируя новое положение аномалий. Лист вышел следом и заинтересованно рассматривался вокруг.

– В общем, делай тоже что и я, шаг в шаг. Я говорю, ты исполняешь.

Лист лишь кивнул, и сталкер одобрительно хмыкнул – умение держать язык за зубами, одно из обязательных условий выживания. Далеко пойдет, если дойдет, как говорят в Зоне.

– Первое что нужно усвоить – в Зоне нет безопасного места, любое место опасно, в той или иной степени. Уровень опасности напрямую зависит от внимания и наблюдательности. Стоит на миг расслабиться, и тебя уже нет. Тут можно рассчитывать лишь на проводника и на собственную осторожность. Осторожность, Лист, не бывает лишней, не стоит верить глупцам, что не смотрят по сторонам и палят во все без разбору, полагаясь на оружие, а не на голову.

Лист присел, осторожно погладил прижухлую траву и, прикрыв глаза, вдохнул горьких запах опалой листвы.

– Живое, здесь все живое, по-другому живое, не так как мы... нам не понять пока мы смотрим на все сквозь прицел.

Звездочет удивленно посмотрел на бледное, изможденное лицо Листа.

– Это чуждая жизнь, потому враждебная и человеку приходится отстаивать свое право называться человеком, не опускаясь при этом до состояния скота.

Он характерным скользящим шагом прошел сквозь заросли крапивы, заметил выползших из бункера сталкеров, и махнул рукой, подзывая Листа, ступающего след в след и старательно озирающегося по сторонам. Сталкеры махнули в ответ, продолжая цепко осматривать окружающее пространство и с интересом наблюдая за поползновениями новичка.

– Кто это с тобой, Звездочет, никак решил в ученики записать?

– Здорово, бродяги, что-то вроде того. Как в лагере, все целы?

– Страху натерпелись, по самое не могу, казалось, вот-вот стены рухнут, ты то у Бирюка отсиделся, а нас как селедок в бочку набилось. Кто успел добежать. Кто не успел, тому уже некуда спешить. Соболь с Бармалеем погнали на выгул новичков в поле по аларм-маячкам, пусть привыкают держать глаза открытыми, да и пороху пусть нюхнут.

– Место то найдется у костра? Мы ненадолго

– Проходи, не обидим, да и подмастерье обогреем, вот какой заморенный, небось, гонял до седьмого пота?

– Нет, катал на себе с самого утра.

Часовые захохотали, пропуская гостей через узкий проход колючего заграждения.

В развороченной бочке весело горело пламя и вокруг нее чинно рассаживались поднимающиеся из бункера, жмурящиеся от яркого солнца, тертые сталкеры ветераны.

Звездочет оставил Листа отогреться у костра, а сам отошел перемолвиться парой слов.

Один из опытных вскоре сел рядом с молчащим Листом и начал его подначивать.

– Оба, глянь братцы, новичок у Звездочета, это ж надо. Ты стрелять то хоть умеешь, или тебя старшой с соски кормит?

Лист неопределенно кивнул, даже не посмотрев в сторону насмешника.

Тертого это задело, но он дружески хлопнул его по плечу:

– А ты ничего, науку знаешь. Правильно, только дурак станет называть свое имя первому встречному поперечному. А не слабо тебе, хлопец, прогуляться до вон того дома напрямки через бурьян? – он наклонился поближе – Рюкзак с хабаром у меня там лежит на крыльце, обронил я его ненароком, хотел забрать да только что-то завелось, в доме, а что не разберу. Глаза то уже, вишь, старые, не то что у тебя. Ну, так как? Ты мне рюкзак, а я тебе скажем, «искру»?

Лист поискал глазами Звездочета, и не найдя, молча снял автомат с предохранителя и скользящим шагом, точь-в-точь как его наставник, бесшумно пошел через ломкий сухой бурьян. Присев осторожно миновал едва заметную «обманку» и направился к крыльцу. Тертые даже головы повытягивали стараясь ничего не упустить, следя за зеленым и делая между собой ставки. Внезапно Лист прыжком перелетел через крыльцо, перекатился через голову и исчез в темном проеме дверей. Сначала было тихо, а потом раздалось пронзительное визжание, переходящее в бьющий по ушам ультразвук, несколько выстрелов, и сталкеры, схватившись за автоматы, застыли в напряжении. Но через окно вылетел рюкзак, а Лист не спеша вышел через дверь, волоча за крыло здоровенного нетопыря. Протискиваясь боком и сдирая облупленную от дождей съезжившуюся краску, на покосившихся от времени столбиках крыльца, он миновал коварную «свечу», но обратной дорогой не пошел. Обошел участок высокого бурьяна у едва заметно пылящей «воронки», перепрыгнул через обтянутый ржавой колючей проволокой ров, и вскоре достиг ветеранов.

– Щенки у нее, жалко стрелять было, а вот это пришлось убить, оно их сожрать хотело.

Ветераны одобрительно загудели и начали подтрунивать уже сконфуженного насмешника:

– Ну что, Хворост, отдавай новичку «искру», все как договаривались.

- Слушай сюда, хлопец. Вот тебе, рожок, нет, два и разошлись.

Лист отрицательно закивал головой:

- Ты сказал «искра», а я как раз Бирюку за ствол должен, хоть он и заклинил.

- Давай-давай, Хворост, раскошеливайся! Будет слабо в другой раз новичков «на слабо» брать. Сам, небось, забыл, как на пузе за артами то ползать?

Хворост окрысился и рявкнул на бывалых:

- Хватит вам уже! А с ним я сам поговорю. Правильно, хлопец?

Тут толпа расступилась, и появился Звездочет.

- Что за шум без мордобоя?

- Да, в общем, ничего, твой молодой прогулялся к Берте, забрал рюкзак Хвороста, а он юлит как выворотник.

- Лист, это правда?

Лист как всегда молча кивнул.

- Я сказал сидеть на месте, что тут неясного?

Один из сталкеров дружески ткнул Звездочета в бок:

- Да не костери ты так своего Листа, он все мастерски сделал даже я не прошел бы лучше. Обычно зеленуха ловится на первую же «обманку», и мы его потом вытаскиваем часа через два, когда его там вдоволь натрясет. Ну, или в «свечу» на крыльце попадет и его закинет в гущу бурьяна, что бы была наука держать глаза раскрытыми и не щелкать варежкой. А твой салага все сделал без сучка и задоринки. В общем, прошел по всем правилам.

- Прошел? - спросил Звездочет, подходя ближе к подопечному.

- Выдать тебя Звездочет шибануло где-то спозаранку, сказали же - прошел. Побывал в гостях у Берты и спер хваленый рюкзак Хвороста, да еще нетопыря сшиб ненароком - зашумели сталкерюги, смакуя разборку.

Звездочет повернулся к хмурому Хворосту:

- На что вы договаривались?

- Ну, я говорю, возьми два рожка, а он не берет, отдавай, мол, «искру».

- Ну, так и отдавай.

- Так это, больно много будет, Звездочет, «искры» то. Два рожка, оно в самый раз.

Звездочет помрачнел:

- Хворост, я сейчас самолично скормлю тебя твоей же Берте. Ты Листа как отмычку, без согласия старшего послал вперед, не предупредив, что там сидит слепыш. Да ляд с ней с Бертой, не впервой такое. Но ты, сволочь хитрозадая, даже словом не обмолвился, что там может быть гнездо нетопырей, а теперь еще и выкручиваешься перед честными бродягами как бандит перед путником?

- Да кто же думал, что он дойдет то? Я это так, для смеху. Больно он у тебя смурной.

- Кобальт - позвал Звездочет, высматривая кого-то в толпе - не подсобишь?

Приземистый Кобальт подошел к Хворосту и вывалил содержимое рюкзака на землю.

- Вот твоя «искра», Лист, а вот три рожка Звездочету в компенсацию за использование его отмычки. Хворост, вижу ты что-то хочешь добавить?

- Да нет, чего уж там, раз обещал, то отдаю - сморщился Хворост.

– А вот у меня есть – ответил Кобальт и отвесил Хворосту затрещину – это за то, что ты нетопыря прозевал. Завтра часовых можно было бы закапывать, он бы за ночь всех высосал. В общем, иди сейчас и проверь, нет ли там еще парочки таких же.

– Кобальт, да неужели я...

– Давай-давай, топай ногами, заодно и суку свою убери, и вправь жалко слепышей.

Звездочет стукнул Листа по плечу и рукой указал путь в направлении Периметра. Лист закинул на плечи тощий рюкзак, поправил кривой «калашников» и пошел вслед ведущему.

Проводник старался не выходить на потресканную и разбитую бесчисленными гусеницами бетонную дорогу, а Лист запоминал указанные ему аномалии. Периметр хоть и казался на расстоянии вытянутой ладони, но идти до него было еще порядочно.

– Зачем он так?

– С кем, с новичками? Потому что это полезно. Не стоит быть таким непроходимо доверчивым и верить первому попавшемуся сталкеру. Тут надо десять раз перепроверить, чем согласится, старательно взвесить все за и против, прикинув собственные силы, возможности и плату за риск.

– Нет, я о слепой собаке, Берте, зачем он ее держит на привязи?

– Ну а что ей, по хутору, что ли шляться? Так ее первый же попавшийся сталкер пристрелит и все. Хворост ее подобрал где-то полуживую, да и выходил. А она хоть дура дурой, но в стаю не вернулась, а осталась с ним. Слепышей приручить невозможно, пробовали уже, да только толку из этого никакого, все равно в стаю убегают. Ну а эта осталась, вот и таскается теперь с ним по Зоне. Вообще она не злая, просто природа у нее такая, к человеку предельно агрессивная. Но слепыши видят иначе, глаз то у них нет, может что-то и разглядела она в Хворосте. Хотя гнилой он человек, трусоватый. Любит над молодыми подшутить. Про эту его шутку с рюкзаком весь Периметр знает, а я как-то и не подумал, что он к тебе прицепится. Ты как рюкзак унес из-под носа у Берты?

– Да я в избу как прыгнул, так меня «свеча» все-таки зацепила и так подбросила, что я кубарем полетел и прямо на нетопыря напоролся. Он щенков в угол загнал, а Берта на цепи была и не могла дотянуться. Я ему прямо в голову выстрелил, сам даже не успев ничего толком понять. Он кусаться полез, пришлось добивать, пока автомат не заклинило. Я к дверям, а щенки пищат и за мной ползут, ну я их и вернул Берте, и пока она их на радостях вылизывала, подцепил рюкзак стволом, в избу втянул и через окно выбросил.

– Ума хватило наверх посмотреть? Нетопырь любит прыгать на спину, за шею раз укусит и все, готов, в смысле парализован, ну а большего ему и не надо. Верткий, он зараза, особенно в воздухе. Действительно, Бог любит дураков. Нетопырь запросто мог тебе в глаза кислотой плюнуть, а потом добить. Зачем с собой потащил?

– Так интересно же знать, что это такое, вот и хотел спросить.

Звездочет внезапно рухнул на землю и откатился, в сторону уходя с линии огня. Лист повторил его маневр прежде, чем успел увидеть опасность, перевернулся на спину и начал лихорадочно выискивать цель.

– По деревьям, по деревьям бей! – закричал Звездочет, отползая к кустам. Лист, следуя за ведущим, пополз в сторону терновника, густо разросшегося на обочине дороги, успев заметить размазанную тень, мелькнувшую над головой. Мерно забухал винторез, и он благополучно закатился в терновник, раздирая руки до крови, прикрывая лицо.

– Ну как, Лист, все еще интересно? – выдохнул проводник.

– Что это?

– Баньши, дух такой в Ирландии есть. Ну, вот и здесь есть свои баньши, только встреча с ними куда опаснее. Оглушат волной, и поминай как звали. Кровоизлияние в мозг. Нетопыри ночью, баньши днем.

– А почему не гарпии?

– Потому что. Все, улетела.

– Я их не вижу, Звездочет.

– Их никто не видит, их чует только голем, по особой излучающей волне. Да и то, далеко не всегда. В отличие от нетопырей, баньши летают звеньями, где летает одна, там и другая недалече. Залезиваться особо не рекомендую, засекут и начнут бить всей эскадрильей. Потому вперед за мной и верти головой, пусть она лучше закружится, чем ее оторвут!

Прислушиваясь к завыванию ветра, вжимаясь в прелую траву и останавливаясь при каждом подозрительном шорохе, они ползли вдоль спасительной полосы терновника до тех пор, пока Звездочет не объявил, что баньши отошли. Стараясь не спускать глаз с обманчиво беспечной синевы, они вылезли у самого КПП внешнего Периметра, представляющего бронированные ворота в сплошной скале бетонного кольца, уходящего в обе стороны, настолько хватало глаз.

Проводник предостерегающе поднял руку и подозвал Листа.

– Двигайся строго за мной. Солдаты фиксируют передвижение моего аларм-маячка, твоего в общей базе пока что нет, потому запросто могут шмальнуть, особенно сейчас, после прорыва безвести.

– Звездочет, ты еще не устал отвечать на вопросы? – спросил Лист, рассматривая громаду Периметра и прикидывая на глаз ее высоту.

– Это ненадолго, если дойдем живыми, то попрошу Лысенко выдать тебе персональный голем. В нем есть база по аномалиям и существам Зоны, будешь изучать в свободное время. Но это не заменит живого опыта.

– Что такое безвесть?

– Безвесть, Лист, это изнанка пространства, все что в нее попадает, исчезает, потому и безвесть. От нее одна защита, количество людей. Чем больше людей находится вместе во время прорыва безвести, тем крепче ментальная, мысленная, что ли, оборона. Тогда она не сможет разрастись до критической черты и пожрать пространство.

– Типа черной дыры?

Звездочет отрицательно помахал головой, переступил через красную линию у входа КПП, подняв руки. По нему скользнула быстрая линия сканера и в сторону глухо отъехала небольшая створка, в углублении которой находилась панель, состоящая из узкой прорези и дисплея, спрятанного за толщей тяжелого пуленепробиваемого стекла. Звездочет вынул свой личный жетон и вложил в щель. На дисплее высветилось фото и короткая информация. За стеной зажужжали приводы, и открылась узкая дверь, в которую с трудом мог протиснуться человек. Проводник шагнул в проход, держа руки на виду.

- Что-то ты не торопился, Звездочет.

- На похороны успею.

На встречу вышел военный в темном камуфляже без знаков отличия, и жестом позвал Листа. Лист поднял руки, и по нему также скользнула линия сканера.

- Это и есть твой носитель информации? - оценивающе посмотрел на него военный.

- Он самый и давай без бюрократии, полковник. Напои, накорми, а потом и в пыточную камеру волоки. Устали как черти.

- Можно подумать, мы тут у тещи на блинах были! Да ладно, проходи, рад видеть, разведка.

- Определи его к Старику, пусть посмотрит. Он стоит на ногах только благодаря стимуляторам. Можно сказать, вырвали из лап смерти.

Лысенко подозвал солдата:

- Сталкера сопроводить в лазарет и передать Старику, он знает, что делать.

- Есть товарищ полковник. Разрешите исполнять?

Лысенко отпустил военного, и Лист вопросительно посмотрел на Звездочета.

- Все нормально, оставь вещи на проходной и ступай к врачу.
- Ну что, по пять капель и поговорим по душам?
- Давно пора, с самого утра мотаюсь как слепой пес и ни крошки во рту.

- 05 —

Горький дым струился из переполненной пепельницы, поднимаясь кольцами к потолку. Постукивая карандашом по столу, Лысенко отсутствующим взглядом смотрел за окно, где солдаты пытались загасить горящий странным зеленым пламенем смятый и оплавленный поцелуем безвести БТР. Естественно, безуспешно. Пламя горело, несмотря на все усилия, и будет гореть до тех пор, пока все не истлеет в пыль.

- Странные дела Звездочет, весьма странные. Грузовик этот, стая, прорыв безвести на самом краю Периметра. Если б не служил я здесь безвылазно пять лет, черт бы я в такое поверил. Но Зона она, знаешь, и не таких выворачивает наизнанку. Тут даже убежденные материалисты, не верившие до этого ни в черта, ни в бога, в корне меняются. Не влезает Зона в мерки атеизма, как ты ее туда не запикивай. Сколько светочей науки в Зоне умом тронулись, не смотря на всю их веру в торжество человека и сосчитать невозможно. А что говорить про нас, простое пушечное мясо Периметра? Одна безвесть чего стоит, деструкция пространства, так ее. Тут не то, что в Зону «экологического бедствия», в Господа Бога поверишь, только бы пронесло. И хоть я простой полковник, нечета некоторым – он наклонился вплотную к Звездочету – но у меня такое впечатление, что все вот это ниточка одной непонятной для нас цепочки. Кому-то, или чему-то очень не хотелось, чтобы Лист дошел живым. А интуиция она в Зоне сам знаешь...

Он развернул голограммный дисплей и пододвинул жетон Листа разведчику:

- Насколько я смог понять из тех крох, к которым получил доступ, жетоны такого образца создавались с учетом всех возможных вариантов, что бы информация в нем была защищена даже в том случае, если он окажется в руках

вероятного противника. Что нес Лист – неизвестно. Полный допуск к жетону есть только у высшего командного состава, так что чем смог, тем и помог, а большего сделать не могу, хотел бы, но не могу.

Он отвернулся к окну, в котором от горевшего БТР не осталось уже ничего кроме трухи, которую спешно заливали стабилизирующим репеллентом бойцы из химзащиты.

– Мои люди не сунутся глубже моста, даже под угрозой расстрела. Да мне самому до самой смерти будет сниться, как в туман уходит танковая колонна и все. Исчезает, исчезает с радаров, исчезает со спутника, как будто и не было ее никогда. Сколько тысяч людей мы положили в первом прорыве, а, Звездочет? Кому об этом знать, как не тебе, ведь кажется, тебя именно из-за этого разжаловали ко всем чертям, чуть к стенке не поставили за то, что ты назвал верхом идиотизма посылать туда людей. Но послали, а что им оставалось еще делать?

Старик, пожилой седой военврач, сидевший на краешке стола, подошел к пепельнице, смял окурок и снова уставился в карту Зоны, весь центр которой занимало одно большое пятно.

– В первый раз сталкиваюсь с такой амнезией, а я повидал их на своем веку, вы уж поверьте. Физически он нормален, истощен до крайности, но нормален. А вот психика изнурена до предела. Если учесть слова полковника, то могу предположить, что это некий механизм защиты данных. Как бы абсурдно это не звучало.

– Абсурдно, Старик? Да что может быть абсурднее безвести на самом краю Периметра? Не успеешь сюда вертушки с «тополями», то сейчас бы нас заливали репеллентом, а может просто забросили к чертовой матери и отодвинули Периметр от греха подальше. Списали бы вчистую. Семьям принесли соболезнования, вручили красный флаг и траурную ленту героя и все. Потому что неизвестно кто остался после безвести человеком, а кто выворотник. Так что высказывай свои соображения, вдруг это спасет и наши шкуры.

Старик поправил очки и бросил распечатки на стол:

– Как я сказал, физически пациент здоров. Я накачал его стимуляторами, подключил к ассенизатору и к утру он будет как новый. Но вот психика слишком сложная вещь, что бы вот так сгоряча что-либо решать. Будь у меня больше времени, я бы выдал точное заключение, но времени, как я понимаю, у нас нет. Сейчас сказать могу одно: под воздействием неизвестного фактора личность пациента претерпела изменения, говоря проще, ее словно стерли и как осуществить обратный процесс, не имею ни малейшего представления. Во всяком случае, официальной науке это неизвестно. Однако базовые рефлексy, навыки, такие как речь, самосознание себя, поведение в социуме остались неповрежденными. Что скажешь, Звездочет?

– Парень явно прошел в прошлом очень хорошую школу, это видно из того как быстро он усваивает правила выживания в Зоне. Впитывает как должное то, что многие оттачивают годами – умение двигаться, ориентироваться и действовать в экстремальных ситуациях. Я бы не выпускал его из поля зрения, продолжал и дальше натаскивать его как разведчика, нас ведь по пальцам пересчитать можно. Зона, вон она какая. Это только в масштабах республик свободных она маленькая точка на карте.

– Дело говоришь. Вот пусть и остается с тобой. Глядишь, что и прояснится и с медальоном, и с Севастополем этим. Толковых, хороших сталкеров мало. Военных, пригодных для того что бы воевать по всем правилам военной науки, стоять в оцеплениях и брать города, много. А вот сталкеров мало. Хоть и проводит Минобороны набор, пять лет уж как прошло, но до сих пор нет программы подготовки сталкеров. Для того чтобы стать сталкером мало просмотреть хроники и вызубрить показания големов с погибших. Надо почувствовать Зону под боком, вдохнуть ее в себя, под прорывом побывать. Но все это ты понимаешь уже тут, в Зоне. Со времени второго штурма, после того как полетели головы в генштабе и старых марзматииков на пенсию спровадили, кое-что-таки изменилось наверху. И стали особисты втихую набирать сталкеров из аномалов, тех, кто может самостоятельно существовать в аномальной Зоне. Обычный человек ведь не может долго находиться в поле Зоны, психика едет, а аномалам ничего, по сторонам поглядывай, да и собирай себе артефакты во благо отечества. И не то что бы зря, за найденные и сданные артефакты ваш брат сталкер получает очень хорошие деньги. Даже профессия такая появилась – сталкер. Смех один, но кое-что даже рассекретили и предали гласности. Ролики крутили по центральным каналам, отредактированные конечно: «сталкеры на службе отчизны». Общественность обрыдалась, народ остался горд за своих героев. Знаешь сколько после этого романтиков и мечтателей в военкоматы кинулось?

– Ну да, сплошная романтика, суровая мужская служба. Только думаю, что среди этих романтиков зарубежных гостей было куда больше.

– А их легче отлавливать на порогах военкоматов, чем на подступах к Зоне, где мы стреляем без предупреждения. Такая вот петрушка, Звездочет, и никаких ответов. До сих пор так никто и не знает, как и отчего возникла Зона.

Официальная версия: Зона возникла в результате экологической катастрофы спровоцированной иностранными спецслужбами во время путча в тысяча девятьсот девяносто первом году, чтобы основные силы были переброшены на локализацию угрозы. По хронологии оно так и было, сам помнишь, какие силы были стянуты в район бывшей тридцати километровой зоны.

– Что не помешало, однако, американцам высадиться в Севастополе для поддержания страждущей демократии при попытке государственного переворота.

Лысенко опять нервно закурил, отмеривая шагами узкую комнату:

– Демократы, конечно же. Просрали государство, развратили страну, не без помощи тех же коммунистов, от которых осталось только название. Вспоминать страшно в какой нищете жила тогда страна. Очереди эти, дефицит, громадные суммы, разворовывавшиеся по швейцарским счетам. Но, слава Богу, остались настоящие, идейные. Которые вышли из тени и переломали об колено хребет всей этой братии. Старое правительство двинули в отставку, арестовали, начало реформ и тут война. Или как это сейчас называют – Севастопольский инцидент.

– Будет ворошить прошлое, пора думать о настоящем, полковник. Вот о людях твоих подумать стоит. Ты ведь понимаешь, после безвести вас теперь из Зоны не выпустят. По крайней мере, живыми. Так вот, слышал я краем уха слухи, что генерал Кречет якобы не погиб, а уцелел и осел со своими бойцами где-то в районе Арсенала, основав группировку Путь. Что скажешь?

– Слышал, но это непроверенная информация, Кречет на связь не выходил, а связь, сам знаешь, не работает. Над Зоной проклятый туман и даже со спутников что-либо просмотреть невозможно, об остальных средствах я вообще молчу. Да кто рискнет пойти вглубь Зоны, в самое аномальное пекло ради слухов?

– А ведь Кречет так и остался генералом, верно?

– Верно, ему еще героя советского союза присвоили посмертно, а что?

Звездочет поднял медальон и многозначительно посмотрел на Лысенко.

– Ты уверен, что оно того стоит, Звездочет? Вдруг все это – тщательно спланированная акция? Были прецеденты, когда особисты накрывали юсовцев. И не каких-то мифических шпионов, которыми нас кормило прежнее, насквозь прогнившее троцкистское правительство, а вполне реальных, которым продавали артефакты по черным каналам. Артефакты и полученные на их основе технологии не только нас интересуют. Одни вот големы чего стоят. А американцам к этому еще топтать и топтать.

– Потому и надо держать его все время при себе. Кроме того, они ведь тоже далеко не дураки, и не шли бы напролом в сторону Периметра, вывозя Листа в состоянии комы. И последнее – медальон маркирован и закрыт грифом секретности Минобороны такой степени, о которых даже я не имею представления. Вряд ли это дело рук юсовцев.

– Тогда может вовне, за Периметр? Хотя не вариант, после прорыва безвести появятся выворотники, и как понять где человек, а где отзеркалие, имеющее форму человека? На глаз ведь не определишь.

Звездочет глотком допил холодный чай:

– Полковник, а не допускал ли ты мысль, что в лице Зоны мы имеем противника страшнее всех империалистов вместе взятых? Допустим, я пройду через Периметр, но там нас будут искать в первую очередь. Даже если мы и дойдем, и жетон попадет по назначению, то и Листа, и полученную информацию упрячут на веки вечные.

– Хочешь сказать, Зона разумна и кем-то координируется? Ты не первый кто об этом говорит. Если это так, то появление безвести далеко не случайно, и сегодня мы уцелели только чудом. Да о таком оружии только и мечтают и у нас, и у них.

– Безвесть бывает только в центре Зоны и вдруг такое совпадение. Давай смотреть фактам в глаза – она приходила за этим. И если это правда, если это ниточка к появлению Зоны, ключ к ударам по Севастополю, то мы не имеем права его упускать. Ты ведь не мальчик и понимаешь, что ни у нас, ни у американцев нет технологии смещения пространства. А вся эта пропаганда о том, что удары по Севастополю, в девяносто первом, нанесли, якобы, юсовцы – чистой воды профанация, для успокоения общественности.

Старик покачал головой:

– В любом случае, если догадка верна, то система безопасности жетона устроена таким образом, что при гибели биологического носителя информация станет недоступна, а то и вовсе сотрется. Иначе, зачем держать его в коме? Как ни парадоксально, но в Зоне, исполненной ловушек, мы можем хоть что-то сделать, а за ее пределами мы будем бессильны. Если генерал Кречет жив, и Звездочет отыщет тропу сквозь туман, то можно приоткрыть завесу над всем этим. Полковник, что скажете? В любом случае и Листа и жетон оставлять здесь опасно. Ему надо затеряться в Зоне и тогда и преследователи, возможно, тоже потеряют след.

Лысенко тяжело опустился на стул и втопил жетон в щель приемника:

– Вам надо уходить. Подмога из других секторов к нам подтянется только к утру, ночью никто не пойдет, пространство все еще нестабильно, здесь в любой момент все может рассыпаться в пыль. Особисты будут заняты ловлей выворотников, которые будут рваться из Зоны и на отход вглубь проводника и зеленого отмычки никто не обратит особого внимания. Извини, но людей дать я не могу, да никто и не пойдет, тем более что вдвоем проскользнуть намного проще. И если станут искать Листа, то все можно будет списать на безвесть. Внешние опознавательные коды жетона я сейчас изменю, так что на Периметре проблем у него не будет. Припишем к твоей группе. А мой запрос в базу генштаба по жетону возник якобы случайно, при идентификации вследствие помех. Даже если это и всплывет, вы будете уже далеко.

Он посмотрел на часы, поднялся и, не оборачиваясь, бросил:

– Дай Бог, что бы мы были правы. У нас есть пару часов, разведка, можешь поспать тут, этот корпус стабилен.

Звездочету показалось, что он успел сомкнуть глаза лишь на миг, и его тут же потерял солдат.

- Просыпайтесь, просыпайтесь, полковник ожидает вас у проходной.

Звездочет вслед за солдатом просочился через плац, перепаханный глубокими язвами, асфальт в которых все еще шипел и изгибался от переизбытка энергии. С оплавленной мачты свисал прорванный черными проплешинами красный флаг с золотым серпом и молотом. Звездочет остановился, смотря, как флаг мерно колышется на мертвом ветру, а потом побежал вслед за адъютантом. В КПП его уже ждали полковник и Лист.

- Отоспался, сталкер?

- На том свете отосплюсь, если дадут.

- Ну и хорошо, а теперь вам пора, скоро тут будет весьма людно. Вот припасы в дорогу, еще что-то?

- Нужен голем и нормальный ствол, для него.

Полковник бросил несколько слов и через минуту адъютант вернулся с браслетом спящего голема и автоматом.

- Этот хлам - Звездочет отобрал у Листа его старый «калаш» - будь добр передай на хутор Бирюку. Все-таки он кривой.

Лысенко кивнул, приобнял Звездочета, хлопнул по плечу Листа и через минуту они растворились во тьме.

- 06 —

Отходя от Периметра на порядочное расстояние, Звездочет остановил Листа, нацепил ему на руку эластичный браслет голема и включил режим пробуждения.

Голем пискнул, забрало на шлеме Листа замерцало, и в темноте проступил контур местности.

– Вот так будет надежнее. Голему надо привыкнуть, войти в резонанс что ли, почувствовать человека. Не удивляйся, если он поначалу будет молчать – позже сами найдете общий язык. Первые големы вообще не входили в симбиоз с человеком, а давали лишь четкие указания: стоять, отпрыгнуть, это вызывало массу лишних проблем, учитывая непредсказуемость Зоны. Непонятно куда прыгать, непонятно куда откатится, и пока человек соображал, бывало уже поздно и прыгать, и откатываться. Нервы и так на пределе, а тут еще голем над ухом орет. Потому от них многие отказывались, полагаясь лишь на чутье и интуицию, зря конечно. А големы неожиданно поумнели, сами. Причем программисты ничего не меняли, руками только разводили.

– Так голем это прибор или живое существо?

– Ни то и ни другое, наверное, середина. Жизнь на основе кремний органики. Все, двинули помолясь.

Они не пошли через блокпост Вербина, в Зоне нет прямых и обратных дорог. Тут все находится в непрерывном движении, одни аномалии сменяются другими, наползая друг на друга, часто образуя непроходимые участки, из которых лучше быстрее убираться, стараясь найти обходную тропу. Иногда такие скопления порождают причудливые артефакты, что всегда окружено повышенной опасностью в силу неизвестности их действия. Зона это риск, умноженный на неизвестность в игре без правил. Забросав удобную щель между камнями, они думали под их прикрытием исследовать издали туннель под старой железнодорожной веткой, но вместо этого пришлось отстреливать байбаков, которые высыпали словно рой рассерженных ос. Попасть в мечущегося байбака в утреннем тумане удовольствие ниже среднего. Все окончилось тем, что Звездочет метнул в щель гранату и едва успел скомандовать вжаться в мокрую траву, прикрывая глаза всеми имеющимися конечностями. Шума не было, просто на миг между камнями взойшло маленькое солнце и приятно запахло шашлыком. Кстати, мясо байбаков довольно съедобно, после предварительного обеззараживания. Нагретые камни приятно окружали со всех сторон домашним теплом, Звездочет через мощную оптику «винтаря» не спеша осматривал туннель, а Лист полез знакомиться с големом.

– Есть кто дома? – шепотом спросил молодой.

- Нет, все ушли на фронт - неожиданно отозвался голем - Приятно познакомится. Надеюсь на долгое сотрудничество.

- А что, оно бывает и не долгим?

- Бывает. Мы не отвечаем за рефлексы человека, умение бегать или метко стрелять. Это должен уметь каждый идущий в Зону. Потому сюда охотнее берут и пускают бывших служащих, нежели просто любителей острых ощущений. Если я буду каждый миг кричать, делай то, не делай это - ты перестанешь анализировать происходящее, и будешь ждать подсказки, что приводит к утрате инициативы, притуплению интуиции и гибели. А я этого не хочу.

- У тебя богатый словарный запас.

- У меня было несколько носителей, у каждого из них я перенимал что-то свое. Мне неприятно об этом говорить, не хочу вспоминать подробности их гибели. Но, если тебя интересуют сами обстоятельства, то...

- Нет, спасибо, в другой раз. Ты скучаешь по ним?

- Конечно, но это скрашивается радостью нового общения и исследований. Основная цель нашего существования - понимание нового, открытие неизведанного. Мы всегда рады новым познаниям, такими мы созданы.

- Вы созданы человеком?

- А вы созданы Богом или же произошли от обезьяны?

- Я как-то и не задумывался об этом особо, не знаю.

- Вот и я не знаю, плод ли мы искусственно развитого интеллекта, или электронная система, приобретающая в Зоне самосознание себя. Меня очень интересует данный вопрос, но за недостаточностью данных я довольствуюсь принципом: я мыслю, значит, я существую.

- Да ты философ!

– К данной концепции приходит каждое мыслящее существо. Моим прежним носителем был Платон, названный так за любовь к философии, от него я перенял данный стиль мышления. Но к делу, Лист, в Зоне все быстротечно. Для начала я буду выдавать тактические данные о расположении аномалий и ловушек в пределах моего восприятия. Когда будет свободное время, то их краткие характеристики и общее описание. Данная схема наиболее оптимальна для обучения. Все. Звездочет закончил рекогносцировку, я отключаюсь с активного канала.

– Задумался, Лист?

– Нет, с големом разговаривал.

– Так быстро? Обычно им надо несколько дней, что бы освоится с носителем.

– Он сказал, что у него богатый опыт общения.

– Сказал? Я подумал, что ты пригрелся и прикорнул, пока я осматривался, ну и пробормотал что-то в полусне.

– Ну да, нормально так поговорили, мысленно.

Звездочет уставился на ведомого:

– Однако новость. Големы имеют только голосовой интерфейс, я про другие не знаю. Или у них очередной виток эволюции или у тебя явные способности к телепатии. Но удивляться не стану, это Зона, тут всякое бывает. Голем вывел целеуказание на шлем?

– Что? Нет, не вывел. Хотя нет, вот сейчас появились выделенные области, видимо обозначающие аномалии.

– Добро. Но не стоит слепо доверяться показаниям, надо и самому голову иметь. Просто возьми их во внимание.

– Да, он тоже так сказал, чтобы ни притуплялось мышление и интуиция.

– Толковый значит, был у него носитель, он не сказал кто именно?

– Сказал, некто Платон.

– Да, знаю, был такой сталкер. Погиб при прорыве, не успел вовремя схорониться. Ладно, мертвых к мертвым, а здесь жизнь это движение, вот и подвигали. След в след, и посматривай по сторонам.

Бесшумно скользя в плотном утреннем тумане, перебежками от камня к камню они преодолели крутой спуск, вымытый водой, и очутились у туннеля. В самой его гуще опасно клубился туман, вызывая ощущение тревоги и острое нежелание туда соваться. Звездочет приказал перевести оружие в автоматический режим и кивнул в сторону туннеля:

– В случае чего, стаем спина к спине и бьем короткими прицельными очередями. Мало что там может водиться. Может там ничего и нет, и у нас общий приступ клаустрофобии, а может кто-то не против раннего завтрака. В случае чего, не теряй из виду и прислушивайся к голему.

Держась на расстоянии нескольких метров и двигаясь на полусогнутых, они осторожно шагнули в туннель. По густо обросшим серым мхом, темным выщербленным бетонным стенам стекали тяжелые мутные капли, образуя причудливые узоры, собираясь в пахнущие плесенью лужи, заставляя отвлекаться и выбирать место для следующего шага. Едва они вошли в туман, как лицевой щиток прояснился, и стало видно почти так же как днем. Внезапно Звездочет остановился и поднял руку. Лист осторожно перенес ногу назад, и на дисплее высветилась едва заметная фосфоресцирующая аномалия.

– «Поганка»? – едва слышно спросил Лист, слушая подсказку голема.

– Она самая – тихо ответил Звездочет – Где «поганка» и нет света, зомби часто ждут рассвета. Стишок такой знаешь? Не знаешь? Так запомни. Дальше тихонечко, на полусогнутых, авось и минуем.

Лист бесшумно поравнялся со Звездочетом и поднял наизготовку автомат. Станный, кстати, автомат. Внешне до ностальгической боли похож на старый добрый АК-74, но форма более обтекающая, эргономично вылизанная, да и весит на порядок меньше. Судя по показаниям, они миновали уже половину туннеля, и

тут услышали странное шуршание. Скосив глаза, они увидели копошащуюся у стены скрючившуюся сутулую фигуру. Бомжеподобного вида зомби поднял голову и скучающе-грустным взглядом уставился на замерших в виде статуи рабочего и колхозницу с автоматами наперевес. Удовлетворившись осмотром, он с горестным вздохом неожиданно отодвинул в сторону перегородивший дорогу щит из досок, после чего продолжил изучать желтый обрывок газеты с давно смытыми буквами. И тут в голове Листа словно перемкнуло, будто что-то сдвинулось и все стало восприниматься, и видится словно со стороны.

«Читай-читай, наш пожилой вахтер, учение свет, а вот вставать не след. Раз-два-три-четыре, шажок, разворот, минуем старое бетонное кольцо, раз-два-три-четыре, осторожно полусгнивший ящик. Раз-два... ведомый замер, что там? А там сидит собака, собака-барабака, сидит, сволочь, на капоте вросшего колесами в землю ЗИЛа, втягивает воздух и нагло пускает слюни. Ну что ты тут нюхаешь, что ты нюхаешь, нет тут никого, нету, разве не видно? Не видно, она же слепая...»

– Лист, я как-то запомнил, ты со скольких патронов нетопыря упокоил? – чуть слышно прошептал ведущий.

Зомби заворчал, осуждающе посмотрел в их сторону и раздраженно перевернул страницу.

Лист оттопырил в сторону три пальца, Звездочет едва заметно кивнул, потом в отрицательном жесте поводит развернутым в противоположном от слепыша направлении кончиком ствола, показав один палец.

«Ага, понятно. У нас пенсионерам уважение, а сталкерятам кошечки-щенки»...

Лист осторожно поднял ствол, скопив глаза, но зомби мирно дочитывал последние известия десятилетней давности.

«Так, совместить планку и прицельную прорезь. Удобная планка, скажем прямо, гениально продуманная планка наследного внука старого доброго «калашникова». Вдох-выдох, вдох-выдох... шуршание. Какое еще шуршание? Хреновое шуршание, определенно хреновое. Жадно мычащее и запинаящееся в ногах шуршание участников слета отставных вахтеров, по несколько штук в ряд. Нам не жалко, подтягивайтесь, товарищи вахтеры, тащите больше водки, а вот

за закуской вам, определенно, придется побегать...

«...темные туннели, пес слепой паскуда, вас вахтеров много, кто вы и откуда...»

...идиотски узнаваемый мотив, кто-то из классиков? Вдох-выдох, вдох-выдох,

«...и скажите вахтеры, почему я так сдвинут...»

Сухо щелкнул выстрел, и сбитый с толку слепой пес-псионик, раскачивающий восприятие и расплываясь в прицеле, не успев дослушать в мыслях Листа второй куплет странной песенки про вахтеров, пропустил пулю между светлых подпалин, ранее бывших глазами, и свалился с капота в исполинские заросли полыни.

Зомби негодуяще отшвырнул газету и начал закрывать проход как раз перед участниками слета.

«Ах ты бдительный наш, да мы ж тебе медаль ударника труда и обороны!»

В проходе образовалась куча мала из запнувшихся зомбей, и «рабочий и колхозница» рывком сорвались с места. Взбежав по капоту они выпрыгнули на кузов, едва не угодив в проржавевшую дыру и распластались на дне. Через несколько минут раздался отборный сиплый мат и шелест полыни, зомби, видимо, готовили полянку для съезда. Только бы костер не развели под этой самой сковородкой по старой памяти. И тут над самым ухом раздалось довольное:

– Закусь, епть...

В Звездочете все обмерло, но шелест сменился треском, начав отдаляться в сторону тоннеля. Через минуту они рискнули осторожно приподнять головы над краем ржавого борта и увидели, как один из вахтеров тащит тушу слепого пса, бесцеремонно взявшись за голый, покрытый безобразными бородавочными наростами, хвост.

«Тьфу ты, а мы уж подумали, что это нас на закусь. Но да ладно, мы не против кандидатуры слепыша, очень даже за». Миллиметр по миллиметру, ежесекундно

рискуя провалится сквозь проржавевший дотла в аномальных условиях кузов, они сползли на землю и на цыпочках стали отходить от тоннеля к ферме «Туш Периметровая».

На ферме все было по-прежнему, разве что добавился новый кубик у стены. Видимо раздумывая над вчерашним солдатским приглашением сходить на танцы, растроганная туша зазевалась и попала под «пресс». Звездочет осторожно миновал аномалию, и тут над его головой пронеслась скупая очередь, он кубарем перекатился за угол, вскинул винторез, и с прогнувшейся балки на него тяжело рухнул еще дергающийся и скребущий когтистыми лапами нетопырь. Отставной сбросил с себя плюющую кислотой мышь переростка, рывком откатился к стене и облегчил ее агонию.

– А ты ничего. Не зря тебе полковник такой ствол подарил – пса с одного выстрела, нетопыря влет. Снайпер.

Лист осторожно тронул нетопыря и неловко улыбнулся:

– Да какой я снайпер, скажешь такое, оно как-то само выходит, без моего желания. В тоннеле так вообще что-то нашло, будто наблюдал со стороны, тело само все делало. Песенка, какая-то в голове вертелась про вахтеров.

– Про доминусов? – напрягся переводящий дыхание Звездочет.

– Нет, про вахтеров. Откуда она взялась, может когда-то слышал, а сейчас вот всплыло.

– Хорошо бы. Глядишь, так и вернется память, и вспомнишь и про Севастополь, и про все остальное. Кстати о птичках, то бишь о «вахтерах» – надо бы прибраться за собой. Зомби существо медлительное, но весьма упрямое и живучее. И если эти, гражданские зомби, на расстоянии не опасны, то бывшему сталкеру или военному на глаза попадаться не советую. Они еще долгое время сохраняют рефлекс, речь, умение стрелять и могут очень даже наделать дырок.

– А они разные бывают? – спросил Лист, вскарабкиваясь вслед за Звездочетом на крышу фермы, занимая позицию.

– Разные. Кем ты был при жизни, тем ты будешь и после смерти. Все зависит от того, при каких условиях они стали жить второй, мертвой жизнью. В основном они мумифицируются, но даже в этом вечном тумане отлично сохраняются и могут бродить годами. Бывает Лист даже так, что те, кто не успел во время прорыва схорониться, не совсем умирают, а обретают «*песро vita*» – жизнь после смерти. Потому, погибших сталкеров лучше отпевать, несмотря на то, что для некоторых умных голов это отдает бредом и дикостью, ибо не согласуется с мнением партии и идеей марксизма-ленинизма. Вот и отпеваем, как можем, как написано в церковных книжках, которые нам с большой земли закинули, после того как на глазах высокой комиссии из Москвы рота саперов, легших за день до этого под прорывом, с того света оперативно откопалась обратно. Вот после этого и стали массово и церкви открывать и привлекать толковых богословов для искоренения следствий атеизма в массах. Семьдесят лет ведь жили без Бога и ничего, не требовался он, а тут на тебе, опять поверили! Видать сильно перепугались, что с Зоны эта зараза просочится наружу и наступит натуральный конец света. Да их ведь тоже можно понять: страна досталась в полуразваленном, разворованном состоянии, не до этого было, а оказалось, что зря. Отношение к вере, Лист, во многом пересмотрели, и стали ученые там искать метафизический смысл бытия. На своей шкуре удостоверившись, что наши предки его не придумали, и уж конечно не со страха перед силами природы. Зона многим показала – есть законы, которые нужно понимать и открывать, но не навязывать и устанавливать. Отпетые сталкерюги, как это глупо ни звучит, практически никогда не разупокаиваются, а спокойно лежат в земле, а вот другие встают. Ученые что-то там про тахионные поля говорили, про испускаемые крестиком особые волны, но сдается мне, что это скорее от бессилия земного ума постичь необъятное, от неспособности верить, иначе нельзя понять ноосферу. А вон она «ноосфера», соображает на троих у тоннеля.

Голем увеличил картинку, и Лист увидел, как зомби в засаленных, рваных лохмотьях косолапо расселись кружком, по давней памяти производя ритуал «сообразить на троих», а несчастного вахтера, не ко времени закрывшего перед ними щит, запинали и забили в угол в своих, лишь им известных воспитательных целях.

– Звездочет, да они же имитируют жизнь!

– Может, имитируют, а может они еще и до смерти так жили, соображая, где-нибудь в подсобке и потом приходя домой на рогах и отыгрываясь на детях и

женах. В любом случае, для них мало что изменилось. Если бы они не трогали живых, то пусть бродят, сколько Зона отмерила. Но почти всегда, за редким исключением, слепо нападают, может, просто завидуя тому, что мы еще живы, а они уже нет.

Один из зомби выковылял из зарослей, нелепо волоча скрежещущую ржавую канистру в которой что-то плескалось. Канистра подпрыгивала на камнях, издавая противные булькающие звуки, но зомби сипя дурным голосом, упрямо тянул ее к тоннелю, явно желая заправится горяче смазочными материалами. Звездочет постучал Листа по руке, протянул ему оптический прицел и указал на автомат.

- Прикрепи к своему тысячнику, есть у меня идея.

- Тысячнику? - Лист удивленно посмотрел на автомат.

- Ну да, АК-2000, новая модель, доведенная, наконец, до ума. По кучности и точности боя превосходит все известные аналоги, прицельная дальность стрельбы и поражение цели больше тысячи метров. Отдача практически не чувствуется, надежность и простота в использовании ему осталась еще от предшественников. Давай, прикручивай.

Лист отточенными движениями быстро закрепил прицел и приник к оптике. Зомби, наконец-то, доволком канистру и присоединился к сообществу, вахтера забросили в дырявое бетонное кольцо, и сверху положили злосчастный щит, и он безуспешно пытался оттуда вылезти.

- По моей команде по канистре, один, два - пли!

Раздался басовитый взрыв, канистру разорвало на куски и тут же рвануло вторично, сильнее, из тоннеля взметнулись языки пронзительно белого пламени, жар от которого чувствовался даже здесь. Лист прикрыл лицо рукой.

- Что это было?

- «Поганка», она очень чувствительна к детонации, вот потому я и сказал тебе стрелять наружу, в слепыша. Все, можно уходить, территория гарантировано

зачищена. Какое-то время по туннелю можно ходить не опасаясь «вахтеров».

Лист начал мерно содрогаться и уткнулся лицом в прицел.

– Ты чего, что случилось?

Лист прыснул смехом, закусывая рукав, Звездочет, наконец, сообразил и схватился за «винтарь». Разбросав горящие обломки, дымящийся потрепанный «вахтер» вывалился из кольца, недоуменно вращая головой, рассматривая последствия столь дивной гулянки.

– Добить?

Звездочет отрицательно покачал головой и включился на общую волну:

– Это Звездочет, в туннеле под старой веткой зачистили стоянку зомби и сняли «поганку». Остался один, он тут вроде вахтера, смирный и агрессии не проявляет, если будете поблизости, в оплату за проход принесите ему свежих газет.

– 07 —

Огромная подслеповатая тварь подозрительно потянула носом воздух и предостерегающе оскалила клыки, если такое определение применимо к нескольким рядам кинжалов, которые вращались в ее пасти как цепь бензопилы. Очень хотелось пошевелиться и размять затекшие конечности, но тупая циркулярка уже второй час упрямо рыла землю, как броневик, проломив кусты в десяти метрах перед ними, и развалившись на доступной для прохода тропе.

– Аномалии в проходе пока держатся, не дрейфуют, стой спокойно. Спешить нам особо некуда, разве что на тот свет, но туда мы с тобой всегда успеем, а вот до уровня Могильника нам надо дойти еще засветло.

– А если принять ее в два ствола, откатится в сторону перед этим броненосцем и очередью вбок?

– Не получится. Циркулярка весьма живучая скотина, впрочем, все живое здесь, кроме человека, отличается повышенной живучестью – прилетел по каналу голема голос проводника – она сплошь покрыта роговыми пластинами, прожечь которые можно только кумулятивными снарядами, да и то не всегда. Видишь танки?

Ну да, мы видели танки. Они беспорядочно сгрудились в узком проходе коридора, некоторые чуть ли не по самые башни вросли в землю, и чтобы отличить их от кустов требовалось приложить немало усилий. Другие задрали куцые оплавленные стволы в небо, да и так и застыли, словно налетев на полном ходу на незримую преграду, оставшись висеть на ней как на постаменте. Ржавые, облупленные, жалкие. Немые свидетели человеческой глупости, которая погнала их на прорыв десять лет назад, в первую волну ударного штурма. Уверенные в могуществе человеческого гения и в несокрушимой мудрости облаченных в золото и право решать, попирая гусеницами твердь и сотрясая своды оснований, стальной волной прошли они по земле, да так и остались здесь навсегда. Ржавые, ненужные игрушки человечества, которое все еще играло в войну само с собой. Пройдет еще несколько лет и не станет даже этих жалких остатков, что уцелели в гиблом аномальном мареве. Некогда несокрушимые и грозные, а ныне служащие прибежищами тварям и гадам земным, сминаемые «прессами» и «тисками», омываемые бесчисленными мертвыми дождями они превратятся в прах и уйдут в небытие, восстанавливая нарушенный баланс. Но это будет потом, а пока что промозглый, пробирающий до костей ветер шевелил между ними мокрые черные ветки, завывая в глубоких провалах и сметая с паутины бисер серебра.

– Жутко? – понимающе спросил Звездочет – Поначалу, тут многим бывает жутко. Потом привыкаешь, не замечаешь всего этого, принимаешь как должное, словно так было всегда, словно так и должно быть. Это ведь крохи, раньше тут вообще было не пройти – сплошное ржавое кладбище. Потом как-то разметало их аномалиями, разрывая на куски, сминая словно фольгу, только скрежет и лязг со всех сторон. Вой умирающего железа даже на Периметре было слышно. Казалось, воеет сама Зона. Мертвое железо и то, оказывается, способно плакать. Те, что подальше, да поглубже в земле – те остались, уцелели, видимо Зона их в напоминание оставила, что бы помнили. Потом появились циркулярки. Никто не знает точно, когда и откуда они вылезли, но облюбовали они этот самый Коридор до жути, из-за танков, наверное. Ни проходу, ни житья от них не стало. Подойдет, значит, такая дура к танку и грызет его, глодательный аппарат в самый раз, позволяет. Может от того у них и панцирь такой непробиваемый,

вступил во взаимодействие с железом и переродился в некий химерный полисплав. Кто его знает, но никто из первых рук выяснять не пробовал. Одно спасение, циркулярки плохо видят, но вот слышат замечательно, да и нюх у них дай Боже.

Со стороны болот раздался унылый, протяжный вой изголодавшейся твари, затем еще один и еще. Насторожившаяся циркулярка прытко выскочила из задуманного ею метростроя, прислушалась к вою и, сотрясая землю ломанулась сквозь заросли бурьяна в сторону нарушителей покоя, с глухим лязгом протискиваясь сквозь кладбище танков. Сталкеров не надо упрашивать дважды. Как только очередной танк возвестил, что циркулярка опять не вписалась в поворот, они сорвались с места и, обогнув яму, поспешили как можно быстрее миновать опасный участок.

Оставив кладбище позади Звездочет, тщательно выбрал место для короткого привала, и едва Лист успел опуститься наземь и прислонится спиной к камню, прикрыв глаза, как тут же пискнул голем прося выйти на связь.

– Слушаю – устало пробормотал Лист.

– Извини, что отвлекаю от отдыха, но я засек аларм-маячок, тревожная волна. Включить?

– Конечно, включай.

Раздалось шуршание, и сквозь забиваемый помехами эфир прорвался голос:

– Да есть тут кто-нибудь рядом... да сколько же их... идут из Гулькиного яра... быстрее... координаты...

Лист подхватился на ноги, и Звездочет забил магазин в винторез:

– Держи пеленг, мой голем взял координаты, видимо там совсем худо. Старайся не отставать, ну а там по ситуации, главное не теряйся из виду и прикрывай спину, а то живо затопчут.

Звездочет перешел на бег, и Лист едва успевал фиксировать аномалии, которые подсвечивал голем, но, несмотря на это он несколько раз едва не провалился в «жижу», которая была присыпана полусгнившими листьями, заметив в последний момент по подозрительному шевелению и отскочив в заросли жгучей крапивы. Ошпарив руки в крапиве и вскарабкавшись по скользкому глиняному склону, они пронеслись через небольшой относительно чистый от аномалий подлесок, выскочив на заросшее мхом ветхое полуразрушенное здание, откуда доносились скупые захлебывающиеся очереди.

Вокруг дома бесновалась стая. С каждым мигмом из-под развесистых деревьев выскакивали серые сгорбленные спины, вливаясь в хоровод оскаленных пастей. Лист дал короткую очередь, и пули с противным визгом вспороли землю перед собаками, норовящими запрыгнуть внутрь. Пока слепыши соображали, откуда раздастся очередь, Звездочет выхватил из подсумка гранату и швырнул в гущу вертящейся стаи. Глухо ахнул взрыв, во все стороны полетели комья земли, и осколки с противным визгом ударили по деревьям. Звездочет влетел вглубь дома, ударом приклада отбросил бросившуюся в горло псину:

- Наверх - указал он на обрушившиеся внутрь балки - отсекай их от леса, не давай высунутся. Я займусь раненым и пощелкаю тех, что на низу.

Неприкаянный белкой вспорхнул по скользким подгнившим балкам, густо обросших пышной бахромой бело-сизого грибка и, оказавшись наверху, дал очередь по кружащей у провала стены хороводу. Раздался визг, несколько слепышей кувырнулись мордами в землю. Из леса выбежало несколько особей, поддерживая общее поле стаи, и начали раскачивать глаза, не давая прицелиться.

- Выведи изображение на сетчатку.

- Что?

- Делай что говорю, я знаю, ты можешь подключиться к нервной системе, хоть никогда не делал этого раньше.

- Это запрещено.

- Кем запрещено? - ругнулся Лист перещелкивая магазин - голем не может своим действием или бездействием допустить вред человеку, следовательно...

Он запнулся на полуслове. В грудь тяжело толкнула общая пси волна стаи, сбивая дыхание и ослепляя глаза.

- Если нас тут порвут на клочки - он мотнул головой, стряхивая наваждение, дав очередь по мелькающим среди деревьев спинам - то ты своим бездействием нарушишь этот принцип. Высший приоритет упраздняет низший.

- Принято - согласился голем - запрет на нейрослияние снят.

Листу показалось, что ему на голову внезапно вылили ведро кипящей воды, колючая огненная волна рывком прошла по позвоночнику, оставляя ощущение звенящей тишины в которой осталось лишь мерное, глухое биение сердца. Дыхание замерло, мир стал восприниматься, словно через некую пелену: пространство потеряло резкость, стало тягучим, медленным как при замедленной съемке. Глаза начали фиксировать смазанные, недоступные человеческому глазу части спектрального излучения. Слепыши двигались медлительно, их окружало плотное, едко-красное поле ненависти, сливаясь в общую сеть, и уходя вглубь леса. Лист поднял автомат, ожидая, что он будет подниматься медленно, но, к удивлению, не заметил никакой разницы. Пальцы переключили автомат на одиночные выстрелы, и он взял на мушку ближайшего пса. Едва он это сделал, как багровое свечение вокруг пса усилилось, и он начал раздваиваться и плыть, но сознание успевало зафиксировать траекторию движения и следующий хаотический прыжок. Сухо, протяжно щелкнул выстрел, пуля еще вылетала из ствола, а он видел, как траектория слепыша и пули пересекается через пол прыжка. Пес с громким и протяжным визгом еще опрокидывался в кусты, а мушка успела совместиться со следующей горячей ненавистью головой.

«раз-два-три-четыре... выстрел, сместить прицел... пса подбрасывает в воздух...

раз-два-три-четыре... выстрел, сместить прицел... следующий вертясь волчком
врезался в сосну...

раз-два-три-четыре... взрыв алых брызг...

раз-два-три-четыре...»

Жгучая, удушливая волна ненависти спала, откатилась подобно отливу, сменившись смятением и замешательством. Едко-красное поле, объединяющее разрозненных трусоватых слепых псов в стаю внезапно рассыпалось, грубо разрывая связи, и слепыши беспорядочно заметались по опушке. За деревьями медленно расцвел огненный цветок, и он упал навзничь, закрывая слезящиеся глаза. Над головой величественным протуберанцем пронеслась огненная волна, опаяя нестерпимо жарким дыханием, и лишь спустя мгновение раздался звук взрыва. Лист привстал, сметая пепел обуглившегося мха, и подхватив автомат оглянулся. Со стороны Могильника сквозь поток застывшего времени к сторожке медленно продирались двое сталкеров, на ходу перезаряжая автоматы и добывая уцелевших псов. Лист хотел было махнуть рукой или подать сигнал, но неожиданно остановился, заметив, что один из них летел в разворачивающуюся перед ним «полыню». Предупредить об опасности он не успевал, звук голоса долетит с опозданием, когда будет слишком поздно, и тогда он выстрелил. Пуля медленно вылетела со ствола, прорываясь сквозь толщу плотного воздуха и прошла над аномалией. «Полынья» жадно взметнулась за пулей, образуя тугую ударную волну сбивая, отбрасывая сталкеров в сторону. Ощущая, как мир начинает темнеть и кружиться перед глазами, теряя ориентацию он скатился по скользким балкам вниз, тяжело рухнув на прогнившие доски пола, отбросил лежащего на Звездочете, вцепившегося у самого горла в ствол винтореза пса, и благополучно потерял сознание.

- 08 —

Он очнулся от гула. Наверху свирепствовал ураган, натужно, глухо завывая над землей, что содрогалась от тяжелых, мерных ударов. В ушах плыл противный звон, пространство раскачивалось из стороны в сторону в такт закрепленной на потолке старой керосиновой лампе, дающей мягкий приглушенный свет.

- Ты как, нормально? - потряс его за плечо Звездочет.

- Как сказать. Такое впечатление, что по мне пробежалась эта самая, как ее, циркулярка.

– Циркулярка ни циркулярка, но контузило тебя конкретно. Аптечку даже заклинило, она не смогла точно определить, что с тобой такое, но потом вкатила пару уколов и приписала усиленное питание.

– Где это мы? – промолвил Лист, рассматривая небольшое подземелье, в углу которого горел бездымный костер, вокруг которого сгрудилось несколько сталкеров.

– У меня в гостях – подошел к ним пожилой сталкер в изодранном комбинезоне с полосой пластыря через все лицо – я Лесник, а это мой бункер. Наверху сейчас прорыв, но в дружной компании и отбиваться веселее и гуторить. Кто его знает, насколько он зарядил.

– Прорыв? – прислушался к содроганиям Лист.

– Ага, он самый. Да ты не бойся, тут надежно как в швейцарском банке, вон какую дверь поставил – Лесник указал наверх, где был установлен люк с запорным колесом – стены «порой» обложил, значит, поверх кирпича. Если и просочится какая гадость, то «пора» ее не пропустит. Здесь даже костер можно разводить без опаски.

– А куда уходит дым? – начал вертеть головой Лист, ища отверстие.

– В вытяжку. Мне ее один бродяга установил, хитрая штука: уходящий дым наверху незаметен, а обратно поступает воздух. Знатный схрон, я к нему и шел, переждать прорыв. Тут, откуда не возьмись стая, да не одна, а несколько, и волколаков трое. Одному ее держать не по силам. Ну, и взяли меня в оборот. А я как раз об «колючку» ногу повредил, уходя от них и пытаюсь вылезть наверх. Понятное дело не смог. Вот и пришлось орать всю мочь, так что я теперь ваш должник.

– Да полно тебе, старый, расписки писать, чай все под Зоной ходим, сочтемся. Кроме того, ты мне живой нужен и собирать тебя по кускам, выковыривая из слепышей муторное занятие.

– Ну, тогда пошли, Звездарь, перекусим, чем Бог послал, и накатим за знакомство. А тебя как зовут, малой? Стреляешь знатно, не зря тебя Звездарь таскает в подручных.

– Ну да, знатно – отозвался от костра смуглый и хлопнул рядом с собой по потертому матрасу приглашая Листа – мы с Тунгусом двадцать слепышей насчитали, и каждому братцы, каждому пуля вошла точно между зенок.

– Я Мура – протянул он руку Листу – мы с Тунгусом, стало быть, тоже тебе обязаны. Сочтемся хабаром, али еще как.

Мура схватил с вертела скворчащий ароматный шмат мяса и протянул Листу. Лесник со Звездочетом сели по другую сторону и многозначительно посмотрели на Тунгуса. Тот кивнул, покопался в рюкзаке и, вытянув плоскую армейскую флягу, разлил содержимое по подставленным жестяным кружкам:

– Конечно, в Зоне пить не очень, не любит она пьяных, но грех честного бродягу не почествовать. За это красный наказать может. Правильно говорю? Так вот за Листа, лучшего снайпера в здешней части Периметра! Не сердись Звездочет, должен же отмычка превосходить мастера, а? Какую себе смену подготовил!

Они чокнулись и залпом выпили. Лесник крякнул и степенно занюхал рукавом, а остальные жадно набросились на мясо.

– Стало быть, бежим мы с Мурой на маячок Лесника, под ноги посматриваем, псов постреливаем. Смотрим, на сторожке засел незнакомый сталкер, и по псам лупит. Знатно так лупит, одиночными. Каждый выстрел безглазого вверх лапами опрокидывает, и стреляет, же, шельма, быстрее, чем я глазами хлопаю.

– Да ну, показалось видать – выдохнул от рукава Лесник – как так можно стрелять? Это Зона тут и не такое почудится.

– Ты у него спроси, как бывает. Но у меня, Лесник, адреналин чуть по штанам не побежал, как увидел, что этот значит сталкер, с нашивками нашего клана между прочим, на меня ствол поворачивает. Смотрю, глаза стеклянные, думаю все, под доминуса попал. Сейчас как шамальнет, мелькну ногами не хуже слепастого! Глазом моргнуть не успел, как звездануло у самых ног и как опрокинет. Ну, думаю все, полетела видать душа к красному сталкеру, Рэду Шухову. Но смотрю, Мура рядом на четвереньках продвигается, и все кругами. На себя посмотрел, мокрый весь, сижу и репу чешу, откуда у меня столько адреналину?

Компания дружно захохотала, а Мура дружески ткнул Листа в бок.

Тунгус разлил по кружкам воду и продолжил:

– Подбегаем к сторожке, сидит Звездочет головой вертит, звезды считает. Лесник в углу ворочается, кровь с разодранного лба рукавом останавливает, а новичок оставшегося слепыша головой методично об стенку прикладывает да приговаривает:

– «Севастополь, вход через прокол заблокирован, ... отзовитесь... Вишневский отзовитесь...»

И засмеялся, но увидев вытянувшееся лицо Звездочета осекся:

– Звездочет, да мы это... ну шутка, в общем.

Звездочет подскочил к Тунгусу, схватил его за грудки и прошипел в лицо:

– Повтори, что говорил Лист, слово в слово!

– Да что ты так кидаешься? Ну, сидит он значит и пса, что от твоего горла отодрал, руками за долбешку держит и со всей дури об стену прикладывает и повторяет эту самую фразу: «Севастополь, вход через прокол заблокирован, ... отзовитесь... Вишневский отзовитесь...» а потом раз, обмяк и отрубился. Мы ему аптечку сразу же закатили, у него глаза вообще белыми сделались, и пульса не было. Тут уж Лесник оклемался, и мы вместе с ним завал над бункером разгребли и от прорыва, что багровел уже над самой головой, схоронились.

Звездочет тяжело опустился на место:

– Ты не держи зла Тунгус, я не со зла. Просто воспоминания.

– Да чего уж там, разве я не понимаю. Раз надо, значит надо. Но как увидел тебя без памяти, думаю все, надо звать бородатого.

– Какого бородатого? – спросил Лист, впервые вмешавшись в разговор.

– А ты что, про бородатого Осипа, что ли не знаешь? – покосился на него Мура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/moklyuchenko_viktor/retrospekt-istok

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)